

БОЛГАРСКОЕ И ГАГАУЗСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ МССР В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1947–1949): ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

CZU: 94=163.2=512.165(478) „1947-1949”

<https://doi.org/10.52603/rec.2024.35.17>

Rezumat

Populația bulgară și găgăuză din RSSM în perioada colectivizării (1947–1949): abordări istorico-antropologice

Colectivizarea forțată este una din problemele mai puțin studiate în istoria bulgarilor și găgăuzilor din Bugeac, asociată cu transformările economice care au avut loc în regiune în perioada postbelică. Articolul, bazat pe materiale de arhivă și literatura publicată, analizează mecanismul adoptării hotărârilor privind transformarea socialistă a agriculturii în regiune, etapele politicii de marginalizare, reprimare și de lichidare a gospodăriilor țărănești înstărite în localitățile cu populație bulgară și găgăuză din RSS Moldovenească, în perioada 1947–1949. De asemenea, sunt prezentate trăsăturile caracteristice ale gospodăriilor, numite în istoriografia sovietică „chiabu-rești”, și rolul pe care l-au avut autoritățile de nivel uni-onal, republican și local în desfășurarea politicii agrare. Datele statistice și alte materiale prezentate relevă ritmurile transformărilor în regiunile din sudul republicii, populate compact de bulgari și găgăuzi, precum și atitudinea acestor etnii față de politica autorităților sovietice. Analiza materialelor reflectate oferă o mai bună înțelegere a factorilor care au stat la baza organizării și realizării operațiunii „Iug” (Sud), identifică categoriile sociale ale persoanelor deportate și oferă, de asemenea, material pentru concluzii privind ecourile distructive ale colectivizării forțate față de bulgarii și găgăuzii din Bugeac.

Cuvinte-cheie: colectivizare, deportare, operațiunea „Sud”, bulgari, găgăuzi, Bugeac.

Резюме

Болгарское и гагаузское население МССР в период коллективизации (1947–1949): историко-антропологические аспекты

Одной из недостаточно изученных проблем в истории болгар и гагаузов Буджака является процесс насильственной коллективизации, связанный с экономическими преобразованиями в регионе в послевоенный период. В статье на основе архивных документов и опубликованной литературы рассматривается механизм принятия решений по социалистическому преобразованию сельского хозяйства в регионе, этапы ограничения, подавления, а затем и ликвидации зажиточной части крестьянства болгарских и гагаузских сел Молдавской ССР в период с 1947 по 1949 гг.; даны качественные характеристики категорий хозяйств, вошедших в советскую историографию как «кулачские»; показана роль союзных, республиканских и местных властей в проведении

аграрной политики. Справки, статистические и другие материалы помогают оценить темпы принудительного насаждения колхозно-совхозной системы в южных регионах республики, местах компактного проживания болгар и гагаузов, а также раскрыть отношение представителей этих этнических групп к политике, проводимой советской властью. Анализ представленных материалов позволяет понять причины проведения операции «Юг», выделить основные социальные категории депортированных, а также сделать выводы о пагубных отголосках насильственной коллективизации по отношению к болгарам и гагаузам Буджака в период 1947–1949 гг.

Ключевые слова: коллективизация, депортация, операция «Юг», болгары, гагаузы, Буджак.

Summary

The Bulgarian and Gagauz population from the MSSR, in the collectivization period (1947–1949): historical-anthropological approaches

One of the little-studied problems in the history of the Bulgarians and Gagauz of Budzhak is the process of forced collectivization associated with economic transformations in the region in the post-war period. The article, based on archival documents and published literature, examines the mechanism of decision-making on the socialist transformation of agriculture in the region, the stages of restriction, suppression, and then liquidation of the wealthy part of the peasantry of the Bulgarian and Gagauz villages of the Moldavian SSR in the period from 1947 to 1949. Also, it gives the qualitative characteristics of the category of farmers included in Soviet historiography as “kulak”, shows the role of the union, republican and local authorities in the implementation of agricultural policy. Directories, statistical and other materials help to assess the pace of forced planting of the collective farm and state farm system in the southern regions of the Republic, in places of compact residence of Bulgarians and Gagauzians, as well as to identify the sentiments of representatives of these nationalities towards the policies pursued by the Soviet government. Analysis of the presented materials allows us to understand the reasons for “Operation South”, identify the main social categories of the deportees, and also leads to conclusions about the harmful echoes of forced collectivization against the Bulgarians and Gagauzes of Budzhak in the period 1947–1949.

Key words: collectivization, deportation, Operation South, Bulgarians, Gagauz, Budzhak.

Одной из масштабных репрессивных кампаний в истории Молдавской ССР стала так называемая «кулацкая высылка» в июле 1949 г., сопровождавшая насильственную коллективизацию сельского хозяйства во второй половине 40-х гг. XX в. В результате этой кампании более 35 000 человек оказались высланными из родных мест в спецпоселения в отдаленные регионы Советского Союза (Пасат 1994: 485).

Политические изменения конца 80-х гг. XX вв. содействовали тому, что проблемы аграрной политики, проводимой советским руководством, и насильственного выселения крестьянства привлекли к себе интерес исследователей, в результате чего были опубликованы фундаментальные архивные сборники, основанные на документах партийных и советских органов, а также структур государственной безопасности как регионального, так и всесоюзного уровня. По теме проведения аграрных преобразований 40-е гг. XX вв. были изданы научные труды В. Пасата (Трудные страницы истории Молдовы 1940–1950), И. Шишкану (*Deșărănirea bolșevică în Basarabia*), В. Царанова (Операция «Юг»), Е. Шишкану (*Basarabia sub regimul bolșevic 1940–1952*), И. Кашу (*Dușmanul de clasă*), В. Олару-Чемыртан (*Teroarea stalinistă în RSSM, 1940–1941, 1944–1956: deportările, exilările în Gulag, foametea*) и др. Внимание этих исследователей было сосредоточено, прежде всего, на теме организации и проведении форсированной коллективизации и кампании по насильственному выселению кулаков республики в целом, а также на тяжелой судьбе репрессированных.

При всей изученности этой темы все же следует отметить, что в историографии недостаточно исследована проблема коллективизации южных районов Молдавской ССР и в особенности то, как протекал этот процесс среди проживавших там представителей национальных и этнических групп (болгар и гагаузов).

Следует отметить, что сразу после аннексии Советским Союзом территории Бессарабии (28 июня 1940 г.) и создания Молдавской ССР сталинским руководством была развернута работа по выявлению и учету т. н. «социально опасного антисоветского элемента». В число неблагонадежных, а впоследствии арестованных и осужденных, вошли депутаты «Сфатул Цэрий», признанные советскими властями «предателями», бывшие помещики, фабриканты, государственные чиновники, торговцы, представители полиции и жандармерии, члены партий Королевской Румынии, агенты сигуранцы, бывшие

белогвардейцы и др. (Petrencu 2023: 161, Пасат 1994: 167). Одновременно советским правительством был взят курс на «советизацию» региона, предполагавшую преобразования экономического, идеологического и социально-политического характера.

Экономические преобразования в регионе были неразрывно связаны с курсом на коллективизацию. В соответствии с заявленной целью советского руководства – построения социализма – сельскохозяйственное производство и распределение продовольствия необходимо было взять под свой контроль путем создания коллективных хозяйств. Тогда и началось вовлечение крестьян в колхозы¹.

Одним из ключевых методов создания колхозно-совхозной системы стала политика пополнения государственного бюджета за счет обязательных государственных поставок как для колхозов, так и для частных собственников, не желавших вступать в сельскохозяйственные артели. Именно так называемые «единоличники», в первую очередь, подверглись непосильному налогообложению сельскохозяйственной продукцией (80% получаемой продукции они отдавали государству) (Șișcanu 1994: 36). Главным ориентиром в системе нормирования поставок, разрабатываемым властями, являлся размер земельного надела, при этом качество самой земли, состав семьи, общая ориентация производства хозяйства и климатические условия не учитывались. Особенно тяжелым было положение населения в период 1946–1947 гг., когда вследствие засухи и кампании заготовок не все сельские жители сумели создать запасы продовольствия, что привело к массовому голоду. Характерной чертой заготовительных кампаний в послевоенный период стали обыски в домах и во дворах крестьян, с тем чтобы изъять сокрытое зерно (ANA. DFasp. F. 51, inv. 3, d. 317, f. 36; Франгу 2012: 159). Целью подобных обходов было не только пополнение государственных запасов, но и запугивание крестьян. Отметим также, что в особенно тяжелом положении оказались жители южных районов МССР, где компактно проживали болгары и гагаузы, которые, как известно, имели большие наделы земли.

В целях широкой агитационной работы и систематического освещения преимуществ колхозного строительства, 1–2 октября 1946 г. республиканские власти, ссылаясь на постановление Совнаркома Союза ССР, приняли решение «О мероприятиях по организационно-массовой работе среди крестьян в связи с восстановлени-

ем и организацией колхозов в правобережных районах МССР», согласно которому в клубах, читальнях и библиотеках проводилась агитационная работа среди сельских жителей, для ее организации отправлялись бригады, состоящие из «квалифицированных докладчиков и беседчиков» (Коллективизация 1969: 130-131).

Отметим также, что редакторам газет «Молдова сочиалистэ» и «Царанул Советик» предлагалось включить в тематические планы редакций темы статей, рекомендованных отделом пропаганды и сельхозотделом ЦК КП (б) Молдавии, а тираж центральных и республиканских газет увеличить.

Однако, несмотря на проводимую властями массово-политическую работу среди населения, налоговая политика и непонимание местным крестьянством целесообразности колхозного строительства приводили к конфликту между населением и представителями властей. Как следствие, в обществе усиливались антисоветские настроения. В связи с ликвидацией частной собственности, имели место случаи проявления агрессии. Так, например, в докладной записке МВД МССР, адресованной Министру МВД СССР С. Н. Круглову, отмечается, что 24 ноября 1946 г. в селе Бешалма Кангазского района выстрелом через окно был ранен председатель местного сельсовета И. Н. Чикир (Пасат 1994: 246). Отрицательно относились к организации коллективных хозяйств и жители села Московской Кагульского уезда, которые, по сообщению спецагентов МГБ, в апреле 1947 г. высказались по этому поводу следующим образом: «Здесь нет добра, организовывается колхоз, но мало в него записываются, никто не хочет в колхоз» (Пасат 1994: 260). В тоже время, по сообщению тех же представителей органов госбезопасности, местные жители скептически относились к созданию колхозов, отмечая, что «там жизнь будет не лучше, из колхоза будут брать поставку, а нам ничего не достанется, только работай» (Пасат 1994: 260). Здесь же добавляли, что лучше работать на заводе, чем в колхозе.

В справке Представителя по делам колхозов при правительстве СССР по Молдавской ССР об уровне коллективизации в правобережных районах на 1 января 1947 г. отмечается, что в Кангазском районе на тот период было организовано 3 колхоза, из 4779 крестьянских хозяйств 583 вступило в колхозы, уровень коллективизации составил 1,2%; в Комратском районе из 5711 крестьянских хозяйств в колхоз вступило 374 дворов, что в процентном соотношении

составило 6,5%; в Кагульском был образован 1 колхоз, в Баймаклийском – 2, что из общего количества крестьянских хозяйств составило 2,3% и 0,3%, соответственно. В Вулканештском районе 197 дворов организовали 2 колхоза, из 8345 существовавших на тот период крестьянских хозяйств, что составило 2,3%, в Тараклийском районе уровень коллективизации составил 5,7%. Самый высокий уровень коллективизации отмечен в Чадыр-Лунгском районе, где из 5297 крестьянских хозяйств 799 организовали 4 колхоза, что в процентном отношении составляло 15,5% (ANA. DgFag. F. 3030, inv. 1, d. 7, f. 42-43).

В то же время анализ докладной записки (от 19 сентября 1947 г.) заведующего сельскохозхозяйственным отделом Кагульского уездного комитета партии А. Мельника, отправленной в ЦК КП(б) Молдавии о ходе коллективизации в уезде, позволяет получить информацию о росте колхозов и проценте коллективизации по южным районам (Таблица 1, 2).

Таблица 1. Рост колхозов по районам (1946–1947)

№	Наименование районов	Всего колхозов	В том числе организовано		
			осенью 1946	весной 1947	осенью 1947
1	Кагульский	16	1	9	6
2	Баймаклийский	13	2	7	4
3	Кангазский	8	3	1	4
4	Чадыр-Лунгский	17	4	5	8
5	Тараклийский	7	2	-	5
6	Вулканештский	7	2	-	5
	Итого	68	14	22	32

(ANA. DFasp. F. 51, inv. 5, d. 649, f. 106).

Согласно представленной таблице, на сентябрь 1947 г. на юге МССР по темпу коллективизации лидировал Чадыр-Лунгский район, где было организовано 17 колхозов. Затем следовали Кагульский (16 колхозов), Баймаклийский (13), Кангазский (8), Тараклийский (8) и Вулканештский (7) районы. Из приведенных статистических сведений следует также, что к осени 1947 года уровень коллективизации увеличился более чем в два раза по сравнению с предшествующим периодом за 1946 г., когда отмечалось 14 колхозов. Лидирующее место Чадыр-Лунгского района в списке передовых по уровню коллективизации объясняется, в первую очередь, тем, что этот район включал крупные населенные пункты (Чадыр-Лунга, Твардица, Валя Пержей и т. д.), на базе которых создавалось несколько колхозов.

Например, в Твардице в указанный период действовало четыре колхоза – «Калинина», «Ленина», «Чапаева» и «Правда» (Поглубко, Забунов 1980: 74-76).

Таблица 2. Процент коллективизации в разрезе районов к наличию крестьянских хозяйств и земли (сентябрь 1947 г.)

№	Наименование районов	Всего крестьянских хозяйств	Поступление в колхозы	% колхоз. хоз.	Всего земли в районе, га	Отведено колхозам, га	% колхоз. к земле (общей)
1	Кагульский	6320	1871	29,5	58 534	11 802	20,3
2	Баймакский	7120	1724	24,2	57 321	15 350	27,0
3	Кангазский	5350	846	16,0	49 191	9 793	20,0
4	Чадыр-Лунгский	5827	2336	40,0	52 825	22 803	43,2
5	Тараклийский	5220	534	10,2	38 521	4 280	11,1
6	Вулканештский	9034	482	5,3	84 431	4 208	5,0
	Итого	38 871	7798	20,4	340 823	68236	21,0

(ANA. DFasp. F. 51, inv. 5, d. 649, f. 106).

Анализ приведенных в таблице данных позволяет констатировать, что к осени 1947 г. в Чадыр-Лунгском районе уровень коллективизации достиг 40,0%, в Кагульском районе из 6320 имевшихся крестьянских хозяйств 1871 вступили в колхоз, что составило лишь 29,5%, Баймакский район – 24,2%. В Кангазском районе из общего количества хозяйств 846 вступили в колхоз, что составило 16,0%. Судя по сводным данным, низкие показатели колхозного строительства отмечены в Тараклийском и Вулканештских районах, где процент коллективизации составил соответственно 10,2% и 5,3%. Как следует из таблицы, в южных районах МССР, удельный вес коллективных хозяйств был ниже по отношению к хозяйствам единоличников.

Невысокий уровень коллективизации и саботаж плановых заготовок советское руководство объясняло не отсутствием материальной заинтересованности крестьян, а подрывной деятельностью «кулачества и других вражеских элементов» (Пасат 1994: 298). Вследствие этого репрессии затронули не только сельских жителей, но и помощников властей – должностных лиц, представителей партии. Их арестовывали за невыполнение плана государственных поставок, либо за неосторожные высказывания о политике, проводимой властями (Pasat 2011: 306). На-

пример, только в Кагульском районе осенью 1946 г. были сняты с должности 46 уполномоченных по причине их «политической неблагонадежности» (Şişcanu 1998: 86). Такая, совсем не оптимистичная тенденция колхозного строительства в целом по республике², подтолкнула партийное руководство прибегнуть к репрессиям как к чрезвычайному методу управления обществом, пресечения проявления недовольства тех, кто оказывал сопротивление, выступая против советской власти.

Под предлогом укрепления дисциплины началось преследование колхозников (бывших кулаков) и единоличников – мероприятие, известное как политика раскулачивания. Следует подчеркнуть также, что если в период с 1940–1941, 1944–1946 гг. зажиточные крестьяне не выделялись властями в особую группу, то уже 17 августа 1947 г. Совет Министров СССР поручил правительству МССР определить признаки кулацкого хозяйства с тем, чтобы выделить их в отдельную социальную категорию с целью установления для них дифференцированного сельскохозяйственного налога. Как результат, уже 30 августа 1947 г. Бюро ЦК КП МССР и Совета Министров выступили с постановлениями, признававшими кулацкими те хозяйства, которые в период с 1941–1944 гг. и с 1944 г. использовали наемных рабочих в сельском хозяйстве или промыслах; систематически применяли труд сезонных наемных рабочих; использовали труд крестьян в виде отработки взамен предоставления им рабочего скота, семян, продуктов или сельхозмашин; получали доходы от имевшихся в хозяйстве мельниц, маслобоек, крупорушек, плодовой или овощной сушилок, а также от их сдачи в аренду за денежную либо натуральную плату; а также занимались скупкой урожая садов и виноградников с целью торговли или перепродажи (ANA. DgFag. F. 2848, inv. 22, d. 43, f. 325-326). Согласно решению властей, крестьянские хозяйства, признанные кулацкими, лишались всех льгот, а к облагаемому доходу делалась дополнительная надбавка: при доходе до 10 тыс. рублей – 10%; от 10 тыс. до 15 тыс. рублей – 15%; свыше 15 тыс. рублей – 25% (ANA. DgFag. F. 2848, inv. 22, d. 43, f. 320). Подобное отношение к зажиточным крестьянам и дифференциацию налогового обложения считаем необоснованными, т. к. в период с осени 1941 по лето 1944 гг. Бессарабия находилась в составе Румынии, законодательство которой не запрещало рыночные отношения и право на частную собственность (Şişcanu 1998: 102).

Постановление руководства положило начало кампании по ликвидации кулачества в регионе. Так, например, хозяйство П. Ф. Муска, жителя г. Комрат, было включено в списки кулацких за то, что в период «с 1941 по 1947 год... [он] применял постоянный и сезонный наемный труд... по обработке земли, сада и виноградника, а также по уходу и охране ульев» (SRA Comrat. F. 1, inv. 1, d. 29).

Источники также указывают, что из колхозов села Кирютня были исключены кулаки Дегибалтов, Караджов и Гургуров по причине того, что в период с 1941 по 1944 гг., они «использовали наемный труд, имели постоянных батраков и сезонную рабочую силу» (Пасат 1994: 286).

Другие типичные случаи того периода связаны с тем, что т.н. «единоличники» прежде чем вступать в колхозы, заметим, на невыгодных для самостоятельных крестьян условиях, распродавали свою собственность. Так, в селе Тараклия Кангазского района, при организации местного колхоза крестьянину К. И. Друмя было отказано в приеме, т.к. выяснилось, что в своем индивидуальном хозяйстве он имел 3-х лошадей, 1 корову, 20 га земли, однако, готовясь вступить в колхоз, все это «разбазарил» (Пасат 1994: 287). В селе Колибабовка заместитель председателя колхоза С. Ф. Балтажи был обвинен в том, что до вступления в колхоз распродав все свое имущество. В результате С. Ф. Балтажи из колхоза исключен не был, однако с руководящей должности был снят (Пасков 2011: 224).

Репрессивные меры по отношению к крестьянам привели к сокращению единоличных хозяйств, что было обусловлено не только вступлением крестьян в сельскохозяйственные артели, их отъездом с территории Молдавской ССР, но и арестами. Так, например, житель с. Конгаз, Н. Д. Жежу вспоминает, что его отец был арестован и сослан в Архангельскую область за недопоставку хлеба (Франгу 2012: 171); а семья М. И. Кулева из с. Тирасполь Чадыр-Лунгского района, спасаясь от репрессий, выехала на Украину (Капанжи 2019: 2).

Сегодня мы можем утверждать, что раскулачивание и налоговая политика, сыгравшие «подстегивающую» роль в организации колхозов, существенно не изменили сложившуюся ситуацию. Несмотря на то, что в южных регионах показатель колхозного строительства был несколько выше, чем, в общем по республике (согласно официальным данным на 11 сентября 1948 г. в Чадыр-Лунгском районе процесс коллективизации составлял 80%), в сводках партийных струк-

тур фиксировались устойчивые антиколхозные настроения среди населения (Пасат 1994: 311). Так, например, в колхозе им. Молотова Кангазского района сбрасыванием железа в барабан был выведен из строя комбайн, аналогичный случай был зафиксирован и в совхозе «Кангаз» (Пасат 1994: 330).

Как следствие, на заседаниях исполкомов неоднократно рассматривался вопрос о неудовлетворительной работе сельсоветов и уполномоченных по хлебопоставкам. Им объявляли выговоры, снимали с работы, обвиняли в саботаже, срыве хлебопоставок, укрывательстве кулаков и привлекали к ответственности. Нередко в некоторых семьях, чтобы избежать предполагаемых репрессий, родственники делили между собой участки земли в надежде, что таким образом они будут исключены из списка «кулаков» (Пасат 1994: 294). Многие отказывались от земель и сельскохозяйственной техники в пользу колхозов и, как следствие, становились членами сельскохозяйственной артели. Однако подобного рода случаи жестко пресекались республиканскими и союзными властями и расценивались как политическая «ошибка и близорукость» партийно-советских руководителей, в результате которой «кулаки» и другие «антисоветские элементы» проникали в колхозы (Пасат 1994: 299). Приведем в качестве примера типичный случай того времени: житель села Кирсово Комратского района Н. Р. Хорозов адресовал Сталину и Председателю Президиума Верховного Совета МССР тов. Ф. Г. Бровко письмо (от 16 июня 1949 г.), в котором сообщал, что был включен в список «кулаков» работником райисполкома в отместку за то, что в 1944 г. на судебном заседании дал показания против него, и что это – ничто иное как сведение личных счетов (ANA. DgFag. F. 2848, inv. 7, d. 81 (2), f. 370).

Местные власти, как правило, поощряли вступление зажиточных крестьян в коллективные хозяйства, т. к. это способствовало укреплению материальной базы колхозов, а также в определенной мере гарантировало выполнение плановой госпоставки сельскохозяйственных продуктов. В случае невыполнения поставок колхозное руководство обвинялось в саботаже проводимых советской властью мероприятий, что сулило дисциплинарным взысканием и даже открытием уголовного дела. В докладной записке о борьбе с кулаками, саботирующими хлебопоставки (30 августа 1948 г.), адресованной Председателю Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии В. Иванову, Прокурор МССР С. Колесник отмечает,

что райкомам партии и райисполкомам было поручено «очистить» состав сельсоветов и должностных лиц села от лиц, не внушающих доверия (Пасат 1994: 295).

Следует отметить, что в 1948 г. налогообложение в отношении зажиточных крестьян увеличилось. Была повышена надбавка к облагаемому доходу: до 10 тыс. рублей – 20%; от 10 тыс. до 15 тыс. рублей – 30% и свыше 15 тыс. рублей – 50% (Царанов 1998: 20). В то же время в отчетных документах ЦК КП(б) отмечалось, что работа по выявлению кулацких хозяйств в большинстве районов республики была проведена неудовлетворительно. В ряде районов к числу кулацких отнесли хозяйства единоличников. Также были зафиксированы случаи, когда к обложению сельскохозяйственным налогом привлекали хозяйства, не утвержденные райисполкомами в категории кулацких. В целях устранения этих «нарушений» исполнительные комитеты районных и городских Советов депутатов трудящихся перепроверяли и оформляли материалы по внесению хозяйств в список кулацких (Коллективизация 1969: с. 205). *Работу по выявлению и утверждению кулацких хозяйств намечалось завершить к 15 июля 1948.* Так, например, в Комратском районе в список кулаков было внесено 15 семей, являющихся членами колхоза (SRA Comrat. F. 1, inv. 1, d. 29)³.

Однако, согласно Справке Министерства сельского хозяйства МССР об уровне коллективизации крестьянских хозяйств на 1 января 1949 г., государственная налоговая политика давления на крестьян с целью заставить их вступить в колхоз не привела к ожидаемой сплошной коллективизации региона (Коллективизация 1969: 333-334). Тогда региональные и союзные власти попытались решить проблему репрессивными методами. Начиная с осени 1948 г. на партийных заседаниях неоднократно обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе «кулачества» (Коллективизация 1969: 248).

После публикации рассекреченных архивных документов, связанных с организацией послевоенной операции по принудительному выселению из Молдавской ССР, мотивы депортации 1949 г., а также социальные категории выселяемых перестали быть предметом спора. Крупномасштабная операция «Юг» задумывалась как акция по ликвидации социальных категорий населения, оказывавших сопротивление политике, проводимой советскими властями. Стоит отметить, что «кулачество», а фактически преуспевающие крестьяне, являлись основной составляю-

щей депортированных (Пасат 1994: 470). Участие в подготовке кампании принимали власти как союзного, так и республиканского уровня.

Согласно архивным документам, в результате проведенной «кулацкой высылки» общее количество депортированных по районам распределяется следующим образом: Баймаклийский район – 138 семей; Чадыр-Лунгский район – 163; Вулканештский район – 189; Тараклийский район – 198; Кагульский район – 237; Кангазский район – 258 (Пасат 1994: 470); Комратский район (с. Авдарма, с. Дезгинжа, с. Кирсова, г. Комрат, с. Ферапонтьевка) – 619 человек (см. подробнее Cartea Memoriei). Как свидетельствуют документы, эшелоны с семьями спецконтингента Кангазского, Вулканештского, Комратского, Чадыр-Лунгского, Кагульского и Тараклийского районов были сосланы главным образом в Тюменскую, Курганскую области, Бурят-Монгольскую АССР и Алтайский край (ANA. DgFag. F. R-3403, inv. 1, d. 1, f. 335, 337-338).

Все вышеперечисленные мероприятия привели к тому, что уровень коллективизации на юге МССР существенно увеличился. Так, согласно Справке Министерства сельского хозяйства МССР на 1 ноября 1949 г., в колхозном строительстве были достигнуты следующие результаты: Тараклийский район – 80%; Кангазский – 84%; Кагульский – 87%; Комратский – 87%; Чадыр-Лунгский – 92%; в Вулканештском районе уровень коллективизации достиг 93% (ANA, DgFag, F. 2848, inv. 6, d. 161, f. 1-2). Следует подчеркнуть, что уже 28 мая 1950 г. Секретарь ЦК КП(б) Молдавии Н. Коваль в Информационной записке, адресованной ЦК ВКП(б) о коллективизации в Молдавской ССР, ссылаясь на статистические данные, отмечает высокий уровень коллективизации в республике и ликвидации кулачества (ANA, DgFaosp, F. 51, inv. 9, d. 1, f. 123).

Суммируя вышеизложенное, отметим, что государственная политика, проводимая в период 1947–1949 гг. *среди болгар и гагаузов юга МССР, предполагала преобразования социально-экономического характера, заключавшиеся в создании колхозов. Так, если в 1947 г. колхозное строительство составляло здесь 21%, то в 1949 г. этот показатель составил – 87,1%. На увеличение количества колхозов влияли, в первую очередь: высокое налогообложение для единоличников, проводимая массовая агитационная работа среди жителей, репрессивные меры (аресты и депортации).* Вступая в колхозы, сельские жители фактически лишались права распоряжаться продуктами своего труда. *Стоит отметить, что укрупнение кре-*

стьянских хозяйств, предполагавшее объединение земли, сельскохозяйственного инвентаря, хозяйственных построек и скота, ломало традиционную систему сельскохозяйственного производства и отношений в среде болгар и гагаузов Буджака.

Примечания

- ¹ В 1940 г. на территории Кагульского, Бендерского, Кишиневского и Бельцкого уездов имелось более 40 немецких колоний. В результате эвакуации немецких колонистов в Германию в октябре–ноябре 1940 г., согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) в целях освоения земли и имущества на базе бывших немецких колонистов было создано 14 колхозов (из переселенцев левобережных районов МССР) и 13 совхозов. Земли и имущество остальных бывших колоний были распределены между крестьянами других уездов, переселившихся туда (ANA, DgFag. F. 2948, inv. 1, d. 34, f. 278). Советские агитаторы красочно расписывали высокую производительность колхозов по сравнению с показателями индивидуальных хозяйств. Очевидно, что они манипулировали сведениями, т.к. материально-техническая база первых колхозов была улучшена за счет земель, сельскохозяйственной техники и продукции, оставшейся после эвакуации немцев (См. подробнее: Пасат 1994: 123-126).
- ² Накануне советско-германской войны в целом в МССР было коллективизировано 3,6% крестьянских хозяйств, в то время как по состоянию на 1 июля 1948 г. – 11,7%, а на 1 января 1949 г. – 19,5% (Мовилян, Гратинич, Шишкану 1989:7; Пасат 1994: 301)
- ³ В источнике дата отсутствует, судя по имеющимся в деле другим документам, список датируется 1948 г.
- ⁴ В период проведения операции «Юг» Комратский район был включен в состав Бендерского оперативного сектора.

Библиография

Капанжи С. 2019. Как это было. В: Свет. Тараклия. / Karanzhi S. 2019. Kak eto bylo. V: Svet. Tarakliya.
Коллективизация 1969. Коллективизация крестьянских хозяйств в правобережных районах Молдавской ССР. Сборник документов. Сост. Царанов В. Кишинев: Картя Молдовенеаскэ. / Kollektivizatsiya 1969. Kollektivizatsiya krestianskikh khozyaistv v pravoberezhnykh rayonakh Moldavskoi SSR. Sbornik dokumentov. Sost. Tsaranov V. Kishinev: Kartya Moldoveneaske.
Мовилян Н., Гратинич Г., Шишкану И. 1989. Эти трудные годы «добровольной коллективизации». В: Сельская жизнь. Кишинев, № 5, с. 6-8. / Movilyanu N., Gratinich G., Shishkanu I. 1989. Eti trudnye gody «dobrovol'noj kollektivizacii». V: Sel'skaya zhizn', Кишинев, № 5, с. 6-8.

Пасат В. 1994. Трудные страницы истории Молдовы 1940–1950. Москва: Терра. / Pasat V. 1994. Trudnye stranicy istorii Moldovy 1940–1950. Moskva: Terra.

Пасков И. 2011. Колибабовка – болгарское село на севере Буджака. Кишинев: Bons Offices. / Paskov I. 2011. Kolibabovka – bolgarskoye selo na severe Budzhaka. Kishinev: Bons Offices.

Поглубко К., Забунов И. 1980. Обновленная Твардица. Кишинев: Картя Молдовенеаскэ. / Poglubko K., Zabunov I. 1980. Obnovlennaya Tvarditsa. Kishinev: Kartya Moldovenyaske.

Франгу Ф. 2012. Конгаз. Кишинев: Tipografia Centrală. / Frangu F. 2012. Kongaz. Kishinev: Tipografia Centrala.

Царанов В. 1998. Операция «Юг». Кишинев: АНМ Институт истории. / Tsaranov V. 1998. Operatsiya «Yug». Kishinev: ANM Institut istorii.

Agenția Națională a Arhivelor (далее – ANA). Direcția generală a Fondului arhivistic guvernamental (далее – DgFag). F. 2845, inv. 1, d. 2093.

ANA. DgFag. F. 2848, inv. 6, d. 161; inv. 7, d. 81 (2); inv. 22, d. 43.

ANA, DgFag. F. 2948, inv. 1, d. 34.

ANA. DgFag. F. 3030, inv. 1, d. 7.

ANA. DgFag. R-3403, inv. 1, d. 1.

ANA. Direcția Fondului arhivistic social-politic (далее – DFasp). F. 51, inv. 3, d. 317; inv. 5, d. 649; inv. 9, d. 1.

Cartea Memoriei: Catalog al victimelor totalitarismului comunist. 2005. Coord. și red.: Postica E. Chișinău: Știința.

Cașu I. 2015. Dușmanul de clasă. Chișinău: Cartier.

Olaru-Cemîrtan V. 2020. Teroarea Stalinistă în RSSM, 1940–1941, 1944–1956: deportările, exilările în Gulag, foamea. Chișinău: Lexon-Prim.

Pasat V. 2011. RSS Moldovenească în epoca stalinistă (1940–1953). Chișinău: Cartier.

Petrencu A. 2023. „Lección de istorie și demnitatea anului 1918” sau despre învățămintele formulate la 105 ani de la Unirea Basarabiei cu România. În: Dialogica, nr. 1, supliment. Chișinău, p. 160-164.

Serviciul raional de arhivă Comrat, Unitatea Teritorială Autonomă Găgăuzia (далее – SRA Comrat). F. 1, inv. 1, d. 29, d. 50; inv. 5, d. 16.

Șișcanu E. 1998. Basarabia sub regimul bolșevic (1940–1952). București: Semne.

Șișcanu I. 1994. Deșărănirea bolșevică în Basarabia. Chișinău: Adrian.

Ольга Терзи (Кишинев, Республика Молдова). Докторантка, Молдавский государственный университет.

Olga Terzi (Chișinău, Republica Moldova). Doctorandă, Universitatea de Stat din Moldova.

Olga Terzi (Chisinau, Republic of Moldova). PhD student, Moldova State University.

E-mail: olgaterzi2010@gmail.com

ORCID: 0009-0003-0178-2307